

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 336.71.004.68

А. Д. Лазарев

ЗАКОНЫ ГЕОПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ

Наука представляет собой систему знаний об объекте и предмете, основанную на определенных законах. Поэтому невозможно понять предмет науки, не имея представления о ее законах. Это относится и к geopolитике. Вместе с тем, раскрывая ее предмет, необходимо иметь в виду деятельность субъектов, ибо политика – это один из видов жизнедеятельности, который должен осуществляться в соответствии с определенными законами.

По оценке исследователей (Р. Челен, А. Мэхен, Х. Макиндер, К. Хаусхофер, В. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. Я. Данилевский, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев, К. С. Гаджиев, А. Г. Дугин, В. А. Дергачев, Н.А. Нартов, Ю. В. Тихонравов, К. Э. Сорокин, Э. А. Поздняков, К. В. Плещаков и др.) главным в geopolитике является закон фундаментального дуализма. Дуализм выражается в противопоставлении сухопутного ("теллурократии") и морского могущества ("талассократии"). Первое проявляется в виде военно-аграрной, второе – торговой цивилизации.

"Самой общей и разделяемой всеми geopolитиками методологической формулой, - подчеркивает А. Г. Дугин, - является утверждение фундаментального исторического дуализма между Сушей, теллурократией, "номосом" Земли, Евразией, heartland'ом, "срединной землей", идеократической цивилизацией, "географической осью истории" с одной стороны, и Морем, талассократией, Sea Power, "номосом" Моря, Атлантикой, англосаксонским миром, торговой цивилизацией, "внешним или островным полумесяцем", с другой. Это можно рассматривать как

главный закон geopolитики. Вне постулирования этого дуализма все остальные выводы теряют смысл. При всем расхождении в частных аспектах ни один из основателей geopolитической науки неставил под сомнение факт такого противостояния. По своей значимости он сопоставим с законом всемирного тяготения в физике". (2; 91-92)

Закон фундаментального дуализма реализовывался в соответствующей ему деятельности субъектов в виде непримиримой вражды двух типов исторических цивилизаций. Суша формирует твердость морали и закона, устойчивость традиции. Нравы закрепляются в общественном сознании, формируется кодекс этических норм, принципов. В силу этого сухопутным, особенно оседлым, народам близко чувство колLECTивизма, а не индивидуализма, чужд дух предпринимательства, наживы. Главным принципом управления большими и малыми группами является иерархичность.

Морское могущество – противоположный тип цивилизации, более динамичной и восприимчивой к техническому прогрессу. Отсюда стремление к наживе, предпринимательству, индивидуализму, способность принимать нестандартные решения как высшая ценность. В такой цивилизации нравственные и юридические нормы, принципы, законы становятся относительными. Основная установка – стремление вперед, к новым открытиям, приключениям, наживе.

Другой закон geopolитики обусловлен прогрессом техники, связанным с этим повышением уровня кораблестроения, совер-

шенствованием вооружений, разделением общественного труда, развитием товарообмена и торговли, объективным укреплением позиций моря, морских цивилизаций. Это усиление фактора пространства в человеческой истории.

Рост влияния талассократии начинается вместе с эпохой географических открытий. Он достигает вершины своего могущества в конце XX в., когда англо-саксонский капитализм и индустрIALIZМ сформировались как единый комплекс. В середине XX в. geopolитический дуализм достиг своего апогея, когда теллурократия отождествлялась с СССР, а талассократия – с США и подконтрольными им сферами влияния.

Производным от основного закона является закон синтеза суши и моря – "береговая зона". "Береговая зона", или "Rimland" – фрагмент талассократии или теллурократии. Влияние моря и предопределяет в "береговой зоне" более активное развитие, чем на суше, названная зона – более сложное культурное образование. Она выступает как субъект истории со своей волей и судьбой, реализующихся в рамках geopolитического дуализма. Это пояс, по-гранична зона или граница. В geopolitике Rimland несет иную смысловую нагрузку, чем понятие границы между государствами. Для пришельцев береговая зона представляет территорию, которую можно оторвать от континента и превратить ее в базу, военный, торговый анклав для дальнейшего наступления на сушу. (11; 21-24)

Прямая связь между пониманием законов и представлениями о предмете geopolитики прослеживается, начиная с за-

рождения последней. Это подтверждают исследования Ф. Ратцеля, который считается "отцом" geopolитики. А своей работе "Politische Geographic" автор обосновывает, органический подход в понимании государства и пространства. Т. е., государства на всех стадиях своего развития рассматриваютя как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения (здесь и далее подчеркнуто нами – А. Л.) Государства развиваются на пространственной базе. Все более и более сопрягаясь и сливаюсь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений ... "Пространство" по Ф. Ратцелю, переходит из количественной материальной категории в новое качество, становясь "жизненным пространством", "жизненной сферой", "некоей геобиосредой". Отсюда вытекают термины "пространственный смысл" и "жизненная энергия". Они обозначают некое особое качество, присущее географическим системам и предопределяющее их политическое оформление в истории народов и государств. По оценке А. Г. Дугина все эти тезисы являются основополагающими принципами geopolитики, в той форме, в которой она разворачивается несколько позднее у последователей Ф. Ратцеля. Более того, отношение к государству как к "живому пространственному, укорененному в почве организму" есть главная мысль и ось geopolитической методики, а такой подход, считает А. Г. Дугин, ориентирован на синтетическое исследование всего комплекса явлений, независимо от

того, принадлежат ли они человеческой или нечеловеческой сфере. Пространство как конкретное выражение природы, окружающей среды, рассматривается как непрерывное жизненное тело этноса, это пространство населяющего. Таким образом, отношение к государству как к живому организму предполагало отказ от концепции "нерушимости границ" и, следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренним жизненным циклом. Отсюда Ф. Ратцель, стремясь создать концептуальный инструмент для адекватного осознания истории государств и народов в их отношении с пространством в своей книге "О законах пространственного роста государства" (1901) выделил семь законов экспансии, которые также рассматривал как законы geopolитики.

1. Протяженность Государств увеличивается по мере развития их культуры.

2. Пространственный рост Государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного "притягательного излучения", прозелитизма.

3. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.

4. Граница – это орган, расположенный на периферии Государства (понятого как организм).

5. Осуществляя свою пространственную экспансию, Государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны, рек, долины и вообще все богатые территории.

6. Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как Государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией.

7. Общая тенденция к ас-

симилиации или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территории в движении, которое подпитывает само себя. (2; 33-37)

В определенной мере сходный закон geopolитики сформулировал Жан Тириар – закон пространственной прогрессии. По Ж. Тириару, географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований – "от государств – городов через государства – территории к государствам континентам".

Принцип Большого Пространства, выделенный Х. Маккиндером, К. Хаусхофером и развитый К. Шмиттом, А. Г. Дугин оценивает как фундаментальный закон geopolитики.

Согласно этому принципу, национальный суверенитет государства зависит не только от его военной силы, технологического развития и экономической базы, сколько от величины и географического местоположения его земель и территорий.

Проблема суверенитета прямым образом зависит от geopolитической самостоятельности, самодостаточности, автаркии региона. Те народы и государства, которые действительно стремятся к суверенитету, должны в первую очередь решить проблему территориальной самодостаточности. В нашу эпоху такой самодостаточностью могут обладать только очень крупные государства, расположенные в регионах, стратегически защищенных от возможного нападения (военного, политического или экономического) других государственных образований.

В период противостояния капитализма и социализма необходимость блоков, Больших Пространств была очевидна.

Принцип Больших Пространств не теряет своей силы и сегодня. Напротив, сегодня все более распространенным становится geopolитический проект

"мондиализма", смысл которого сводится к превращению всей поверхности земли в Единое Большое Пространство, управляемое из американского центра. (2; 419-420)

Определяя актуальность законов экспансии, пространственной прогрессии, Большого Пространства для современной geopolитики, важно заметить, что:

- перечисленные законы формулируются с позиций политической географии, а не geopolитики, тогда как, на наш взгляд, это две разные науки, имеющие между собой общее и особенное [7, с. 58-60];

- это сформированные законы geopolитики государства как одного из субъектов geopolитики, а не geopolитики в целом. То есть, либо следует дать их "расширительное" толкование (если такое возможно), либо делать необходимую оговорку, раскрывая роль названных законов;

- справедливо подчеркивая значимость пространства в понимании законов geopolитики, авторы законов практически сводят его к географическому, акцентируя внимание на территории. На наш взгляд, "геополитическое пространство" включает в себя географическое, но не сводится к нему [8];

- А. Г. Дугин, оценивая законы geopolитики, употребляет понятия "главный закон geopolитики", "фундаментальный закон geopolитики", применяет как равнозначные категории "закон geopolитики" и "принцип geopolитики" [2, с. 91-92, 419, 902]. В этой связи представляет интерес перечень основополагающих принципов geopolитики данный В. В. Желтовым.

Исследователь выделяет три принципа.

1. Географический детерминизм

Географический детерминизм, т.е. предопределенность роли государства его позиций в мире, не является более ре-

шающим аргументом. Сказалось огромное влияние технологического прогресса. *Географическая ситуация государства не может более быть решающим аргументом в проведении той или иной политики на международной арене.* Вне всякого сомнения, физическая среда (географическое положение) влияет на политику государства. Но она больше не может в современных условиях предопределять судьбу народов. Технологический прогресс, растущая способность человека воздействовать на свое окружение позволяют снижать влияние физической среды. Более того, в современных условиях человек способен значительно больше влиять на окружающую среду, чем эта последняя способна влиять на людей, их политику.

2. Пространство как условие силы

Протяженность территориального пространства не имеет того же самого значения, что присуще классической geopolитике, согласно которой именно пространство является источником существования государства, дающим ему безопасность, ресурсы и силу. *Пространство перестало быть ключевым фактором силы государства.* В самом деле, замечает В. В. Желтов, государства небольших размеров нередко имеют более высокий уровень, чем крупные государства.

Экономическое могущество в современных условиях не обязательно связано со значительной территорией: Тайвань является более обеспеченным со всех точек зрения, чем континентальный Китай. То же самое можно сказать о Люксембурге в сравнении с Суданом, о Сингапуре в сравнении с Индией. Помимо территории, могущество может обеспечиваться научными, культурными и даже религиозными факторами. Появление баллистических ракет тоже привело к снижению стратегической важности пространства как фактора безопасности.

3. Мистики границ

Тезис, согласно которому границы живут своей жизнью и не являются неизменными, наталкивается на два ключевых фактора, характеризующих современную международную реальность. Эта реальность настолько изменилась, что стала существенно иной.

Освобождение от колониальной зависимости многих государств, установление нового международного политического порядка, создаваемого при активном участии Организации Объединенных Наций (ООН), дальнейшее развитие средств коммуникации и информации, растущая демократизация гражданских обществ привели к определенной юридической стабилизации мирового сообщества и признанию всеми принципа неизменности сложившихся границ.

Изменение границ может осуществляться, но лишь с одобрения населения стран, где меняются границы. Любая попытка силового решения проблемы границы вызывает ныне адекватную реакцию мирового сообщества. Пример тому – операция "Буря в пустыне", проведенная объединенными вооруженными силами против Ирака в ответ на попытку захвата им территории Кувейта (1990) [3, с.81].

Не вызывает сомнения утверждение К. С. Гаджиева, А. В. Желтова, Н. А. Нартова и др., что географическая ситуация государства не может более быть решающим аргументом в проведении той или иной политики на международной арене, что преувеличение роли географии было ошибкой классической geopolитики. Однако требуются некоторые уточнения по поводу роли пространства как фактора силы государства; мистики границ.

Мы считаем, что пространство – ключевой фактор не только силы государства, но и geopolитики в целом, жизнедеятельности ее субъектов. Во-

первых, сторонники отрицания роли пространства как ключевого фактора силы государства и предопределенности его позиций в мире географическим детерминизмом, фактически дают оценку географического пространства. Но и даже в этом случае, во-вторых, роль географического пространства оценивается не с позиции геостратегии ее geopolитики. Например, влияние географического пространства на утверждение роли государства как geopolитического центра. В этой связи оценим Россию и Японию. Несмотря на то, что сравнительный анализ уровня экономического развития России и Японии не в пользу России, Россия является geopolитическим центром мирового сообщества, а Япония – нет. Это относится и к Китаю и Тайваню; и к Индии и Сингапур. Географический потенциал не только определяет современную значимость Китая и Индии в geopolитическом пространстве, но и способствует возрастанию их роли в мировом geopolитическом пространстве. Верно замечено, что помимо территории, могущество может обеспечиваться **научными, культурными и даже религиозными факторами**. Однако, названные факторы **представляют собой характеристики современного geopolитического пространства**. А баллистические ракеты – это одно из средств контроля над пространством, что не снижает стратегическую важность пространства как фактора безопасности. Скорее следует говорить о новом качестве безопасности.

В виде темы для обсуждения можно сформулировать вопрос: насколько правомерно отождествление "закона geopolитики" и "принципа geopolитики"? Существует потребность различать понятия "закон" и "принцип" применительно к geopolитике. В словаре иностранных слов принцип трактуется как основное исходное положение какой-либо теории,

учения и т. д.; руководящая идея, основное правило деятельности; внутреннее убеждение, взгляд на вещи, определяющие норму поведения; основа устройства, действия какого-либо механизма, прибора уступки. (12; 400) Закон должен выражать сущность явления, его основное содержание. Закон – это норма, принцип – правило, которое не всегда может быть нормой деятельности. Закон (философский, познания) объективен. Принципы – правила деятельности формулируются самими субъектами деятельности (в том числе и политической). В изменяющихся условиях они изменяются, то есть условно принципы более подвижны. Есть исключения (как частую бывает в правилах, но не во всеобщих законах), когда закон и принцип могут совпадать, в конкретных проявлениях. Например, основной принцип работы механизма. Конкретно, для данного механизма – это закон, ибо не будет соблюдено правило, механизм не работает, следовательно нет механизма. Это уже не механизм, а совокупность составляющих. Однако, в строгом смысле, можно сказать, что такой принцип, есть результат закона или законов темодинамики и т. д. То есть, принцип представляет собой вторичное по отношению к закону. Закон – внутреннее, основное содержание деятельности, в том числе политической, а принцип (правило) – внешнее. Приведенное мнение не претендует на исключительную роль истинного.

Тем не менее, не оспаривая права на существование обозначенного понимания законов фундаментального дуализма, усиления роли пространства синтеза суши и моря, в связи с обогащением и расширением проблематики geopolитики, считаем необходимым обозначить свое отношение к названной теме. Анализ законов geopolитики мы будем проводить исходя из нашего понимания ее пред-

мета: **геополитика – наука о закономерностях деятельности ее субъектов по организации международных отношений по поводу контроля над геопространством** [9].

Сформулированные еще основоположниками (классиками) законы geopolитики соответствовали характеру и содержанию той эпохи – эпохи географических открытий, а также потребностям борьбы за жизненное пространство, включая экономическое, основанное на экстенсивных методах хозяйствования. Все это формировало соответствующий geopolитический интерес, который и обретал адекватную научную форму geopolитической практики. Но и до середины XX в. результирующей законов фундаментального дуализма, усиления фактора пространства в человеческой истории, синтеза суши и моря были процессы интеграции и дифференциации. Более того, названные процессы имманентны всей истории человеческого общества, т.е. с появлением общества до настоящего времени наблюдается диалектика процессов интеграции и дифференциации.

Общеизвестно, что, в отличие от живой природы, человек эволюционирует не за счет функциональных и морфологических изменений, а в результате развития культуры. Совершенствование человека происходит в обществе, история которого связана с особыми интегративными процессами соответствующими им структурами, из-за универсальности интеграции, ведущей к созданию все более сложных и совершенных целостных структур. В настоящее время многообразные процессы дифференциации являются характерной чертой развития общества, одновременно возникают совершенно новые возможности для интенсивного развития интегративных тенденций в истории человечества. Этим определяются особенности современных международных отношений, которые политологи все чаще рассматривают как систему и как элемент системы. Существенное значение имеет

и то, что в любой системе действуют соответствующие ей законы. То есть, с **появлением мировой системы, мирового сообщества появляются и новые процессы, законы, тенденции. К их числу можно отнести международную интеграцию и дифференциацию как системные качества и характеристики.**

Различают два вида законов, закономерностей: функционирования и развития систем. Одни выполняют задачу обеспечения сохранности системы, ее монолитности, эффективности функционирования - такую задачу решает интеграция. Другие способствуют дестабилизации системы, зачастую направлены против нее, итогом их действия может быть разрушение системы. В значительной степени (исходя из стратегии) эту роль играют дезинтеграция и дифференциация. В определенной мере результатом действия дезинтеграции, дифференциации явилось появление и функционирование мировой системы социализма.

В общем виде в становлении мировой системы социализма можно выделить два основных этапа. Первый этап – результат дезинтеграции, дифференциации, когда из мировой системы отпала часть государств, объявивших себя социалистическими. Второй этап – формирование собственно мировой системы социализма, как результат интеграции.

Однако, сравнивая становление и развитие мировой системы капитализма и мировой системы социализма, следует заметить, что основой интеграции мировой системы капитализма явилась интернационализация, экономическая интеграция, интернационализация производительных сил, международное разделение труда, то есть преобладали экономические условия. Мировая система социализма (не отрицая значимости экономических условий, интересов) – результат политической интеграции недемократического, тоталитарного типа. Но, главное, и в том, и в другом случае действовали интеграция, дезинтеграция, дифференциация и соответствующая им

политика. Примером стремления к дезинтеграции могут служить события в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше в XX в., в период нахождения у власти в этих государствах коммунистов. Дифференциация проявилась в распространении в политической лексике коммунистов категорий "мировая система социализма" и "мировое социалистическое содружество", а интеграция – в мировых системах.

Одним из последствий дезинтеграции и дифференциации явился развал мировой системы социализма, что не означало мгновенного включения бывших, так называемых социалистических, стран в мировую систему капитализма. В данном случае в политике активно используется дифференцированный подход, которые реализуется и в политике дифференциации не только многих стран, принадлежавших ранее к мировой системе социализма, но и бывших республик СССР от России. Это можно проследить и на примере блока НАТО, его политики "продвижения на Восток".

Политическая деятельность и отношения в конечном итоге подчинены определенным законам. Тем не менее, до настоящего времени в исследованиях не дано однозначного понимания соотношения "закона" и "закономерности".

Можно выделить два подхода. Большинство отечественных политологов употребляют понятия "закон", "закономерность" как равнозначные. Так, Д. П. Зеркин (подчеркивая заслугу Монтескье, которые первым высказал мысль о подчинении политической деятельности и отношений объективным законам, а сами законы "в самом широком смысле этого слова" рассматривал как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, которые создаются людьми) заметил, что марксизм, опираясь на теории своих предшественников, развил рациональное понимание закономерностей политики. (4; 490) В "Философском энциклопедическом словаре" (1983 г.) также не различаются понятия "закон общественный", "закономерность общественная" и дано

следующее их определение – это объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений общественной жизни или этапов исторического процесса, характеризующая поступательное развитие истории. В этом же словаре дается определение "закона" как необходимого, существенного, устойчивого повторяющегося отношения между явлениями.

Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи. Существуют законы функционирования, выражающие существенную необходимую связь между сосуществующими в пространстве вещами и явлениями. Наряду и в единстве с законами функционирования существуют законы развития. (14; 188) В. И. Ленин писал, что "...понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса.

Закон есть отражение существенного в движении универсума". (10; 135-137) В "Философском словаре" (1987 г.) закон определяется как внутренняя существенная и устойчивая связь явлений, обусловливающая их упорядоченное изменение. На основе знания закона возможно достоверное предвидение течения процесса. Понятие "закон" близко (подчеркнуто нами – А.Л.) к понятию закономерности, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных по содержанию законов, обеспечивающих устойчивую тенденцию или направленность в изменениях системы. (13; 147) Профессор А.К. Козик не отождествляет понятия "закон" и "закономерность", полагая, что, в отличие от закона, однозначно выражающего наиболее существенную, постоянно повторяющуюся связь явлений в процессе общественной жизни, закономерность выражает более широкий круг связей между явлениями и процессами общественного развития, которые выступают как результат совокупного действия нескольких законов или их систе-

мы [6]

Итак, с учетом приведенных толкований закона и закономерности, следует, что:

- необходимо различать "закон" и "общественный закон".

Оба они обладают признаками, чертами "закона", но "общественный закон" характеризует поступательное развитие истории;

- "закон общественный" и "закономерность общественная" – совпадающие понятия в том, что они представляют собой характеристику общественного развития. В данном случае возможно дополнение – закономерность показывает тенденции такого развития. Вполне обоснованны понятия "закономерность – тенденция", или "тенденция – закономерность", что по сути одно и то же;

- допустимо и толкование закономерности как результата совокупного действия нескольких законов или их системы. В соотношении "закона общественного" и "закономерности общественной" проявляется диалектическое единство, которое выражается в том, что в силу многозначности, взаимозависимости, взаимообусловленности жизнедеятельности общества "закон общественный" может выступать в роли "закономерности общественной", и наоборот. То есть закон и закономерность могут одновременно реализовываться в двух ипостасях: "закона – закономерности", "закономерности – закона"; вместе с тем, закон может включать в себя несколько закономерностей.

- методологически необходимо разграничение законов на законы функционирования и законы развития. Социальные законы, закономерности, включая политические, понимаются как законы собственных общественных действий людей. В качестве объективной формы всеобщности в деятельности законы рассматриваются основой объяснения и прогнозирования политических процессов.

Руководствуясь изложенной методологией, рассмотрим место и роль интеграции и дифференциации в геополитике, раскрывая ее

объект и предмет исследования. При этом под объектом науки мы понимаем то, на что направлено исследование данной науки, а под предметом – то, что конкретно она исследует в объекте.

В. Д. Зотов, Л. В. Зотова, Ю. В. Ирхин, А. М. Ушков, признавая законы дуализма, исходя из того, что в последние десятилетия геополитологи наряду с политико-географическим анализом различных государств особое внимание уделяют процессам взаимодействия и противодействия между цивилизациями, считают, что геополитика устанавливает определенные закономерности:

- контроль над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не обладают нужными качествами самодостаточности;

- потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом вскоре означает его приобретение другим;

- стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта достигается некоторым оптимумом подконтрольного пространства, так как чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта;

- иногда преимущества получает тот субъект, который контролирует ключевые (геостратегические) точки пространства, а сила или слабость геополитического пространства субъекта производна от степени его самодостаточности и контроля над ключевыми точками;

- контроль над космическим пространством и коммуникационной сферой;

- геополитические позиции (уровни) государства во многом зависят от степени развития их экономического и военного потенциала, обладания ядерным оружием;

- геополитические линии разлома, разобщения стран и народов проходят между господствующими богатыми и зависимыми,

бедными экономиками по линии "Север-Юг", а также "центр-периферия", по которым происходит распределение власти и богатства (3 млрд. жителей Африки южнее Сахары, Южной Азии, Индии и Китая имеют средний годовой доход на душу населения менее 400 долл., а 1,5 млрд. человек на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Северной Африке – 2 тыс. долл., а 850 млн. жителей наиболее развитых стран – 20 тыс. долл.);

- рассмотрение политических приоритетов и целей государств должно осуществляться в контексте не только странового, но и межцивилизационного анализа, поскольку различным странам в принципе легче достичь взаимопонимания в рамках региональной цивилизации ("западной", "исламской", "восточной" и т.д.), чем за их "границами";

- количество населения, национальные черты и особенности народов обязательно рассматриваются в качестве важных геополитических факторов. (5; 450-451)

Таким образом, исследователи, сделав попытку сформулировать закономерности геополитики, признали недостаточность законов классической геополитики для понимания ее сущности, содержания, объекта и предмета исследования, а тем самым необходимость выявления новых соответствующих современной геополитике закономерностей. Вместе с тем, приведенные закономерности сформулированы исходя из признания в том, что субъектами мирового сообщества являются государства. Авторы считают, что именно через государства народы и нации организованно представляют свои интересы на мировой арене. Ни одно развитое общество не может существовать вне государства, которое необходимо для организации внутренней и международной жизни. Государство определяет и контролирует деятельность иных участников международных связей – административных единиц (области, края, республики), общественных организаций, фирм, индивидов. Существуют

вуют и нетипичные государственные субъекты международный отношений – Ватикан, вольный город и др.

К ведущим субъектам международных отношений, непосредственно создаваемым государствами, относятся их международные политические или военно-политические организации. Среди них: Организация Объединенных наций (ООН), Организация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Европейский Союз (ЕС), Лига арабских государств (ЛАГ), Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Организация Североатлантического договора (НАТО), Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и др.

К числу важных субъектов международных отношений относятся авторитетные международные общественные и профессиональные организации. К этому ряду авторы относят: Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Всемирную федерацию профсоюзов (ВФП), Международную организацию труда (МОТ), Международный валютный фонд (МВФ) и др.

Вполне обосновано утверждение Ю. В. Ирхина, В. Д. Зотова, Л. В. Зотовой, М. Л. Энтина, что в современных условиях проявляются объективные тенденции расширения числа участников международных отношений. Усиление взаимозависимости народов и обществ привело к тому, что к главным действующим лицам международных отношений можно отнести не только государства, но и конкретные личности. Все больше признается международно-правовая субъектность (скорее субъектность – А. Л.) индивида. В соответствии с ней отношения между индивидом и международным правом происходят через его государство. Так, международные нормы, непосредственно касающиеся индивида (например, принципы уважения прав человека) должны признаваться и осуществляться государством.

Ляется государством. (15) Международно-правовая субъектность индивида особенно ярко проявляется в деятельности известных национальных политических или общественных лидеров, которые обычно выступают и как лидеры мировой политики.

Таким образом, при формулировке закономерностей geopolитики акцент сделан на государстве как основном субъекте международных отношений, тогда как о народе, нации утверждается, что можно говорить об их международно-правовой субъектности, когда они борются за создание независимого государства, которое находится в стадии формирования. (5; 436-437) Мы же исходим из того, что **народы, нации являются определяющими субъектами международных отношений** и исходя из этого сформулируем наше понимание законов geopolитики. **Государство – одна из форм организации народа, нации, которые составляют его основное социальное содержание.**

Д. П. Зеркин верно заметил, что, исследуя политические законы, следует избегать двух крайностей:

- акцентируя внимание на объективности социальных законов (в том числе политических), не следует до крайности абстрагироваться от конкретных, эмпирических действий индивидов. Считаем, что точнее было бы сказать – от конкретных, эмпирических действий субъектов социального, в том числе политического, действия. Чтобы законы не представлялись как нечто существующее до и вне политической деятельности и политических отношений, как то, что вообще не зависит от человеческих сообществ и всецело, с неизбежностью определяет любые политические действия и процессы.;

- отрицая бихевиористский подход в понимании политологических законов, не следует вообще отрицать существования всеобщих и неизменных законов в политологии. (1; 15-18) На наш взгляд это относится и к geopolитике.

Невозможно не согласиться с

тем, что признание объективности законов политики, политических процессов – основополагающая посылка политической науки. Отсюда, один из принципиальных методологических вопросов состоит в выяснении того, что следует понимать под объективными законами или закономерностями политики: детерминистские связи или вероятностную цепь событий. Общеизвестно, что детерминистское понимание означает взаимосвязи в политических процессах, с необходимостью определяющие тот или иной выбор или ход событий. Вероятностные связи – это скорее лишь возможные связи и взаимодействия, представляющиеся с определенным постоянством, регулярностью как последствия разнообразных действий. Выбор таковых может не подчиняться каким-либо объективным требованиям, а зависеть от времени, даже случайных обстоятельств. Поэтому вероятностные закономерности – только следствия тех или иных политических действий. Детерминистские – не столько следствия какого-то переплетения событий, но также предпосылки и причина последующих действий.

Предложенный А. М. Ушковым, В. Д. Зотовым, Л. В. Зотовой, Ю. В. Ирхиным перечень закономерностей geopolитики скорее представляет собой вероятностный тип закономерностей. То есть в большей мере они представляют собой следствия тех или иных политических (в широком смысле) действий.

Принципиально важно для нашего исследования то, что, во-первых, закономерные связи во всех политических процессах выступают реализованной возможностью, проявляются в виде тенденций. Во-вторых, объективные законы политики – это свойственные политической сфере формы существенных связей и отношений, характеризующие как взаимодействие элементов политических систем, так и последовательность протекания политических процессов. Объективные законы политики – это исторически складывающиеся всеобщие, существенные и

необходимые формы связей, реализуемые в функционировании и развитии данной системы политических отношений и институтов и замены их другой системой.

Законы политики по своей сути в обобщенной форме выражают взаимодействие интересов больших социальных групп. А по содержанию – представляют собой аккумуляцию политического опыта наций, других социальных общностей, объективированного в политическом бытии. Объективные законы политики – это всеобщие, с необходимостью воспроизводящиеся формы связей и способы деятельности, детерминируемая ими логика возможных политических процессов. (4; 490-495)

Содержание, характер интеграции и дифференциации деятельности субъектов геополитики по организации международных отношений по поводу геополитического пространства, свидетельствуют о том, что это закон геополитики, в котором ведущей стороной является первая.¹

Во-первых, объективность интеграции и дифференциации обусловлена двумя тенденциями в развитии нации межнациональных отношений, а так же соответствующими им тенденциями в международных отношениях – центростремительной и центробежной.

Во-вторых, интеграция и дифференциация являются законами геополитики, и одновременно каждая из них является тенденцией – закономерностью, ведущей из которых является тенденция к интеграции. Это определяется тем, что: а) интеграция, дифференциация – формы проявления двух тенденций в развитии наций, являющиеся в совокупности основным законом развития последних, где ведущей тенденцией – закономерностью является интернационализация хозяйственной и всей общественной жизни, высшей формой которой является интеграция; б)

нация – определяющий субъект развития международных отношений, а их регулирование, исходя из geopolитических интересов – сфера geopolитики. Следовательно, интеграция, дифференциация как закон, тенденции – закономерности международных отношений, одновременно являются законом, тенденциями – закономерностями geopolитики. Это отвечает и требованию к политической деятельности, которая должна быть основана на соответствующих законах.

В-третьих, история международных отношений и тенденции их развития на современном этапе предполагают вывод о том, что интеграция и дифференциация – имманентные международным отношениям явления, а задачи по совершенствованию таких отношений в соответствии с ними реализуются в политике. Когда речь идет о geopolитических интересах в этой связи, такие задачи решаются в рамках geopolитики. Таким образом, закономерный характер интеграции и дифференциации в международных отношениях – условие закона геополитики – закона интеграции и дифференциации.

В-четвертых, зная действие сформулированного закона, а так же ведущую роль в нем интеграции, возможно предвидеть развитие мирового процесса, международных отношений, мирового порядка, что отвечает характеристике закона. Возможность предвидения, прогнозирования обусловлены объективной основой, тенденцией-закономерностью интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни, а интеграция – ее высшая форма. То есть, стратегический прогноз может исходить из того, что интеграция – ведущая тенденция-закономерность, в суперотдаленной перспективе ее воплощение может привести к созданию единого глобального хозяйственного механизма в рамках единого мирового хозяйства. Правомерность такого вывода подтверждается тем, что было создано единое мировое хозяйство (как результат интернационализации и интеграции), затем произо-

шел раскол на две мировые системы – мировую систему капитализма и мировую систему социализма (как результат дифференциации и дезинтеграции), создание двух разных систем хозяйствования в рамках мирового хозяйства, а затем распад мировой системы социализма (как результат дезинтеграции) и возобновление процесса формирования всемирного хозяйства, в том числе на базе единых региональных интеграционных объединений. Исходя из закона интеграции и дифференциации очевиден прогноз, предвидение формирования новых перспектив уже существующих региональных международных интеграционных объединений.

В-пятых, интеграция и дифференциация – закономерные процессы и, следовательно, закономерности-тенденции. Но одновременно в политике в своем единстве они представляют собой закон, ибо нет интеграции без дифференциации, как нет дифференциации без интеграции и т.д. Выражаясь в организационной деятельности субъектов политики по защите, реализации geopolитических интересов интегрирующихся и дифференцирующихся сторон, они выступают законом геополитики.

В-шестых, в соотношении "закона общественного" и "закономерности общественной" проявляется диалектическое единство, которое выражается в том, что при конкретном рассмотрении, в силу многогранности, взаимозависимости, взаимообусловленности общественной жизни, "закон общественный" может выступать в роли "закономерности общественной", и наоборот. То есть, и закон, и закономерность могут одновременно выступать в двух ипостасях "закона-закономерности" и "закономерности-закона". Например, интеграция как часть, сторона закона интеграции и дифференциации представляет собой тенденцию-закономерность, в которой проявляется совокупность многих законов развития и функционирования.

В-седьмых, на примере интеграции и дифференциации как

¹ Далее закон будет упоминаться в сокращенном виде, как закон интеграции и дифференциации.

законе геополитики выражается единство объективного и субъективного. Объективное вытекает из двух тенденций в развитии наций, их основного закона, субъективное – обусловлено особенностями политики как особого вида жизнедеятельности.

В-восьмых, то, что интеграция и дифференциация – закон геополитики, подтверждает и практика развития мирового сообщества (более четко – регионов). Известно – критерий бытия законов политики: повторяющиеся существенно значимые результаты тех или иных действий политических субъектов при более или менее сходных объективных условиях деятельности. Это подтверждает, например, мировой опыт создания региональных интеграционных группировок фактически геополитического значения.

В-девятых, до создания международных интеграционных объединений интеграция, дифференциация были общественными тенденциями с некоторыми признаками закономерностей. После создания таких объединений, формирования мировой системы, интеграция и дифференциация стали законом системы, а следовательно, решение задачи совершенствования системы во многом зависит от эффективной геополитики, в основе которой и лежит названный закон.

В-десятых, закон интеграции и дифференциации по-разному проявляется в различных общественно-политических, социально-экономических системах демократического и недемократического, тоталитарного типа. То есть, и здесь решающую роль играет политический фактор – политический режим. Этим определяется и результативность геополитического закона. В тоталитарных интеграционных объединениях в конечном итоге ведущими тенденциями становятся дезинтеграция и дифференциация, что приводит к

распаду интеграционного объединения. Таким образом, в соответствующих условиях меняется приоритет той или иной тенденции, а следовательно, меняется содержание геополитики. Об этом свидетельствует пример дезинтеграционных процессов, дифференциации в СССР, мировой системе социализма и т.д.

В-одиннадцатых, интеграция и дифференциация – в первую очередь детерминистский закон геополитики, так как он является причиной геополитической деятельности субъектов геополитики по поводу геополитического пространства, а формирование нового интеграционного (интегрированного) пространства – результат действия названного закона, при том что интеграция, дифференциация функционировали в предыдущем едином геополитическом пространстве.

В-двенадцатых, так как геополитика – часть международной политики, то и закономерности геополитики неразрывны с закономерностями международной политики. И специфика обусловлена интересом. Закономерности геополитики следует формулировать, исходя из геополитического интереса.

В-тринадцатых, использование интеграции и дифференциации как закона геополитики необходимо для решения глобальных проблем современности, в том числе создания единой глобальной цивилизации. И эти задачи обусловливают его статус – это закон геополитики.

Анализ практики и подходов в понимании геополитики, ее предмета и законов позволяет сделать следующие выводы:

- географический фактор, уровень развития государств, их экономический, социальный, политический, культурный, военно-политический и т.д. потенциал – важнейшие условия геополитики. Поэтому их нельзя рассматривать

в качестве ее предмета;

- многогранность геополитики, целей и задач определяет многообразие ее субъектов, роль и значение которых по мере развития цивилизаций, современных преобразований в мире изменяется. Но каждый субъект геополитики преследует определенный интерес и осуществляет деятельность, направленную на его удовлетворение, защиту. Отсюда, раскрывая предмет геополитики, необходимо иметь в виду деятельность субъектов;

- политика – это один из видов жизнедеятельности общества, который должен осуществляться в соответствии с определенными законами, закономерностями. Любая наука, в том числе и геополитика, основана на законах исследуемого объекта, имеет свой предмет;

- интеграция, дифференциация – закон геополитики, в котором ведущей стороной является первая, а сами понятия – категории геополитики.

- интеграция и дифференциация – две стороны одного закона. Отсутствие одной из них означает отсутствие закона. Несмотря на то, что на современном этапе интеграция – ведущая тенденция развития международных отношений, идеал геополитической интеграции во всемирном масштабе недостижим. Этому будет противодействовать вторая составляющая закона – дифференциация. В геополитической перспективе можно будет говорить о том или ином уровне интеграции как процессе, а не окончательном итоге. Интеграция и дифференциация – не только закон геополитики, но и две противоборствующие стороны общемирового процесса, где дифференциация играет позитивную роль для развития демократии в мировом сообществе, утверждения справедливого многополярного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзоло Д. "Трагедия" политической науки // Политология вчера и сегодня. -М., 1990.
2. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. –

Изд. 4-е, М., "АРКТОГЕЯ - центр", 2000; Friedrich Ratzel. Poletische Geographic 1887, "Einleitung"; Uber die gesetze das racumlicher Wachstum der staaten. 1901

3. Желтов В. В. Геополитика. – Кемерово. 2001.

4. Зеркин Д.Л. Основы политологии: Курс лекций. – 2-е изд. Доп. - Ростов-н/Д. 1999.

5. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник. -М., 1999; Ушков А.М. Современная geopolitika // Теоретическая и прикладная политология / Под ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М., 1997.

6. Козик А.А. Мировая система социалистического хозяйства. -М., МГУ, 1975.

7. Лазарев. А. Д. Геополитика и политическая география: Общее и особенное / Человек и общество на рубеже тысячелетий. Международный сборник научных трудов / Под общ. ред. проф. О. И. Кирикова – Выпуск 20. Воронеж; Воронежский Государственный педагогический университет, 2003.

8. Лазарев. А. Д. Геополитическое пространство – категория geopolitики. Вестн. КузГТУ, 2002, № 3.

9. Лазарев А. Д. О geopolitике. / В кн. Гуманитарное образование в техническом вузе: Материалы межвузовской научно-практич. конф. 25-26 сентября 2000 г. / Кузбас. гос. техн. ун. – Кемерово, 2001, Геополитика – наука/ вестник КузГТУ 2000 № 3.

10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 29.

11. Нартов Н.А. Геополитика /Учебник для вузов. – М., 1999.

12. Словарь иностранных слов – М., Сирин., 1996.

13. Философский словарь. / Под ред. И.Т. Фролова, изд-е пятое. -М., 1987.

14. Философский энциклопедический словарь. -М., 1983.

15. Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека. -М., 1997.

□ Автор статьи:

Лазарев

Анатолий Давидович

- канд. филос. наук, доц., зав. каф.
социологии политических отношений и
права

УДК 138.2

В.М. Золотухин, А. А. Овчаров

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ИНТУИТИВИЗМА

Поразмышиляем над тем, как с позиций интуитивизма (идеально-го реализма) можно рассмотреть проблемное поле философской антропологии. Как известно, предметом философской антропологии является человек. Однако договоримся подразумевать под понятием "человек" не абстрактно-го человека (гносеологического субъекта, экзистенцию), а элементарное достояние социальной системы, т.е. онтологии общества. Вне социальной онтологии антропология неизбежно превращается в вольные упражнения на заданную тему, где итог: производство философских "мнимостей". Поэтому, для того чтобы оставаться более или менее на почве реальности будем рассуждать о homo как социальной единице.

В связи с этим, исходная интуиция о социальной субъективности мыслится следующим образом. Социально-философский ана-

лиз различных социальных структур и функций выделяет в социальном бытии (1) всеобщность (общество как органическое целое или система), (2) особенность – социальное сознание как подсистема социальной деятельности; (3) ее формы, совокупные носители – различные социальные группы; наконец, (4) "вторая природа" как овеществленные в артефактах социальные смыслы) и (5) единичное. Применительно к нему (единичному) речь как раз идет о наименьших социальных сущностях или элементах социального бытия. Таковыми являются *субъекты социальной деятельности*. Раскрытие природы социальной субъективности как первого уровня социального становления, включающего восхождение от субъективности через интерсубъективность к социальной системе, содержится в определении *субстанциальной значимости субъекта*

социальной деятельности, которым выступает человеческий индивид, его я.

Действительно, все, что наличествует в обществе, может рассматриваться как объект. Сама возможность выделения социальной онтологии связана с постижением социальных объектов. Последние суть источник социального познания, так как "субъект же осуществляет активную деятельность по извлечению знания [1, 18]. Социальное бытие объективно как реальность или наличествующие обстоятельства (объекты или вещи), доступные в интуиции социальному познанию. Выражаясь иначе, общество-объект является исходным конкретным целым, из которого, на основе восхождений от конкретного к абстрактному и обратно социальная философия выделяет изоморфы социальной онтологии.